

Крейцер Александр Викторович – ведущий редактор Центра общественных связей РГПУ имени А.И. Герцена; член Профессионального союза писателей Санкт-Петербурга, редколлегии альманаха "Метроном Аптекарского острова"; член Общества имени Владимира Соловьева; филолог-русист.

Summary of A. V. Kreitzer's report "St. Petersburg in World's Fate", read at a meeting of St. Petersburg Society named after Vladimir Solovyov.

The author of the report regards St. Petersburg as a city which contains both West and East. Referring to the problem of St. Petersburg's role in the fate of the world A. V. Kreitzer makes a preliminary analysis of the city's history. He thinks that the archetype foundations of the modern civilization were laid in the 13-th century when the epic of the Crusades came to the end. These Crusades were directed not only against Moslems, who allegedly had captured the God's Tomb in Jerusalem, but against Byzantium as well. The devastation of Constantinople by the crusaders was not a fortuity but a historically logical event. The Crusades were an attempt to restore the unity of church on the western basis: the West having captured the East with Jerusalem and Constantinople made an attempt of taking upon itself all the burden of the world Way of Cross. Such attempt completely failed in the middle of the 13-th century when Louis IX the Saint had to reject the idea of capturing Jerusalem already lost by the West by that time. At the same time the campaigns of German crusaders and Swedes in Russia also failed. Russia was also East at that time, namely Orthodox East, of the same kind as Byzantium East. At the Russian East crusaders were stopped by Alexander Nevsky. The East still possessed East, and the West possessed West. So the picture of divided European civilization formed which, generally speaking, renders the state of the modern world as well.

Inside the East have always been its own East and West. East inside the East can be associated with the aspiration to Calvary, Victim, Crucifixion and Resurrection, i. e. to Jerusalem. West inside the East is Constantinople with its state origin, connected with misuse of authority, luxury, contempt to the life of an individual man. The similar East and West also exist inside the West where the eastern trend is also Hierosolymitan, and the western one is to be identified with Rome.

But Rome is not only West inside the West. Rome is the center of the world as it was such before the separation of the churches and remains till now, as it stores a number of relics and sacred objects common to all Christians and belonging both to the East and the West.

St. Petersburg uniting in itself both the East and the West claims to be the center of the world similar to Rome. Still it should be taken into account that St. Petersburg was conceived as the part and the capital of Orthodox Russia. That is why St. Petersburg may be considered as the center of the world of Eastern Christianity.

It is well known that classical St. Petersburg was erected at one stroke and according to common plan at the unbounded open spaces of the Big Neva water area while the cities of Western Europe have been built step-by-step during many centuries. That's the reason of space narrowness in these cities. St. Petersburg's space may be characterized as the personification of the Russian soul's breadth. St. Petersburg's cathedrals which are Catholic by form, for example, St. Isaac's Cathedral and Kazan Cathedral, probably mean that in the Russian expanse – space of St. Petersburg – the West has come to the East. So the Eastern, Russian space has entered Catholic cathedrals and now Orthodox services are celebrated there.

When Orthodox liturgies instead of masses are celebrated in Catholic cathedrals without their destruction or reconstruction, it means that the East has entered the West peacefully, without a

fight. St. Petersburg conceals a possibility of capturing the West without violence in the same way as the West captured the East by force during the short historical period of the Crusades.

The Russian space which penetrates into Catholic forms of St. Petersburg cathedrals is the universal, ecumenical one because the true expanse can be only universal. St. Petersburg expresses the idea of all-unity. It is the center of the world similar to Rome and Orthodoxy has entered the Roman forms of St. Petersburg.

When St. Petersburg fully finds itself as an Orthodox Rome the split between the East and the West will disappear. The East will illuminate the West with its "back light", sunrise will illuminate sunset, the end will illuminate the beginning. People of the West ossified in their material well-being will stop forgetting that the paradise connected with God's advent to the Earth, his Christmas in the West, is only the beginning of Way of the Cross leading to Calvary and Resurrection.

In the long run the eastern way which St. Petersburg is ready to offer to the world is the road of universal Calvary. It will spread over all the world Way of the Cross. The apocalyptic end will become the beginning – the beginning of "the new heaven and the new earth" for which sin-offering was made. The Eastern way is the way of Resurrection following after Crucifixion, Resurrection not only of Christ but of the whole mankind. St. Petersburg will become a new Jerusalem of the resurrected mankind.

It can't be ruled out that the image of St. Petersburg depicted there fed the philosophy of Vladimir Solovyov and his conception of the world all-unity.

О путях преодоления трагедии разделенного человечества, или Петербург в судьбах мира.

Санкт-Петербург – город, соединяющий в себе Запад и Восток. Поэтому прежде, чем говорить о роли Петербурга в судьбах мира, следует вспомнить историю последнего.

1. Запад и Восток

Середина 13 века.

Жак Ле Гофф в книге о Людовике Святом писал по поводу одного события этой эпохи: "...когда, находясь в Яффе, король узнал, что султан Дамаска готов дать ему охранную грамоту, чтобы он отправился в паломничество в Иерусалим, то напомнил тому, что в 1192 году Ричард Львиное Сердце отказался идти в те места, откуда мог быть виден Иерусалим, ибо не желал смотреть на святой град Божий, не имея при этом возможности избавить его от врагов" (1. С. 156). Святой французский король так никогда и не попал в Иерусалим. Седьмой крестовый поход закончился отплытием Людовика 9 из Святой земли. Ле Гофф утверждал: "Людовик снова вышел в море. Он окончательно и бесповоротно удалялся от того земного Иерусалима, которого так и не увидит" (1. С. 163). По мнению французского ученого, "крестовые походы Людовика Святого... знаменуют собой мрачный апофеоз обреченного на смерть рыцарства – момент предсмертной агонии крестовых походов, агрессивной фазы христианского мира, ищущего покаяния и самопожертвования" (1. С. 162). И действительно, после восьмого, 1270-го года, последнего крупного крестового похода, даже и не ставившего своей целью достижение Иерусалима и унесшего жизнь самого Людовика 9, крестоносное движение пошло на

спад. В 1291 г. пали последние крепости крестоносцев на побережье Средиземного моря. Идея освобождения Гроба Господня не увлекала более европейцев... Христианский Запад остался сам с собой, прекратив, по крайней мере, военную экспансию на Восток.

Но надо иметь в виду, что "мрачный апофеоз обреченного на смерть рыцарства" в середине 13 века был связан не только с крестовыми походами на Ближний Восток, но и на Русь, еще одну восточную территорию, на границах которой крестоносцы были остановлены Александром Невским. Русь была Востоком не только в географическом, но и в религиозном смысле, будучи восточнохристианским государством, принявшим в качестве государственной религии православие -- веру византийцев. А крестовое движение было направлено не только против мусульман, но и Византии.

Как сообщает Режин Перну, "несмотря на схизму, ... отношения между византийской церковью и римским апостольским престолом оставались сердечными и обострились лишь со временем, из-за предательства византийцев (император Исаак Ангел поздравил Саладина с захватом Святого Града) и, особенно, после взятия крестоносцами Константинополя" (2. С. 146). Но захват и разгром Константинополя крестоносцами был закономерностью, а не исторической случайностью и проявлением дикости западных средневековых варваров. Ведь после разделения церковей в 1054 г. Запад не мог не осознавать, что разрыв цельного тела Церкви ведет и к разрушению мирового Крестного пути, начинающегося на западе Рождеством в рождественской пещере и земном низу, куда были сброшены люди после грехопадения, и кончающегося Воскресением близ неба на востоке, где, согласно Библии, находится рай. 1054 г. положил начало периоду, когда Запад попытался полностью взять на себя функции Востока, захватив Иерусалим, принадлежавший даже не только Востоку, но Церкви во всей ее полноте. Крестовые походы Запада на Восток были попыткой восстановления единства Церкви путем вытеснения с Востока восточного христианства. Эта попытка потерпела крах: Восток остался с Востоком, Запад с Западом, а мир разделенным по схеме, которая до сих пор является архетипом нашей цивилизации.

Рождественская звезда явилась волхвам на востоке и привела их в Вифлеем, который по отношению как к Индии, так и к Вавилону, откуда могли быть волхвы, находится на западе. Запад – начало Крестного пути, связанное с Рождеством. Не случайно последнее до сих пор – главный христианский праздник Запада, в то время как на Востоке таковым является Пасха, Воскресение. Рождество осталось в одной половине разделенного европейского мира, а Пасха – в другой.

В 1095 г. римский папа Урбан 2 при закрытии церковного собора в Клермоне выступил с речью, обращенной к тысячам священнослужителей, рыцарей и простолюдинов. Он призвал освободить Иерусалим с его главной святыней – Гробом Господним и Святым Огнем, возгорающимся в Великую Субботу у Гроба. Согласно одному из имеющихся источников, папа сказал: "Поистине в этом храме (Гроба Господня) опочивает Бог: в этом храме Он за нас умер и был погребен. Доселе не престаёт Он там являть Свои чудеса, ибо во дни Святых Страстей Своих, когда все огни погашены, над гробом Его и во храме внезапно погашенные лампы возгорятся. Чье сердце, сколько бы оно ни было окаменелым, не смягчится таким явлением?" (3). Идея крестовых походов нашла отклик в сердцах людей, и ее претворение в жизнь сопровождалось не только насилием и грабежами, как это пыталась доказать советская историческая наука, а мистическими прозрениями и порывами духа тысяч и тысяч людей. После захвата Иерусалима и Константинополя крестоносцами церковь действительно на какое-то время обрела свою цельность. Русский игумен Даниил в своем "Хождении" описывает возгорание Святого Огня у Гроба Господня в Иерусалиме во времена иерусалимского короля-крестоносца Балдуина 1 (4). Этот Огонь, согласно Даниилу, принимался католическим епископом, тогда как в наше время и на протяжении уже многих веков Святой Огонь возгорается в Великую Субботу по календарю, принятому восточной церковью, и не признается католиками.

Таким образом, разделенный на Запад и Восток мир, каковым он является и сейчас, начал свое существование не после разделения церквей в середине 11 века, как это можно было бы предположить, а после краха крестоносного движения во времена Людовика 9 и Александра Невского. Соответственно, эти два человека до сих пор являются архетипами человеческой личности в мировой цивилизации.

Король-Христос Людовик 9, не дошедший до Иерусалима, а значит до Голгофы и Воскресения, -- архетип западного типа личности. А повернувший мировой Крест на Восток Александр Невский с его жертвенной жизнью и мученической смертью – архетип личности в восточнохристианской цивилизации.

Если Людовик 9 мечтал об Иерусалиме, но не смог достичь его, то тот тип личности, который сформировался на Западе после Людовика Святого, постепенно вырождаясь, но имея в основании архетип французского короля 13 века, отказался даже от мечты об Иерусалиме, не только географическом, но и духовном, т. е. от Жертвы, сораспятия, а значит и Воскресения. После Людовика Святого было предопределено: Иерусалим и распятие плоти остается за Востоком разделенной церкви. Что постепенно привело к формированию на Западе гедонистической цивилизации, ставящей целью наслаждение и распространяющей в этом своем, материалистическом, качестве влияние на Восток. Пример постепенного вырождения западного типа личности – череда погруженных в роскошь, искусства и разврат французских королей после Людовика 9. Процесс вырождения был закономерным, ибо Рождество, с которым связана западная часть Крестного пути, есть приход Бога на землю, земной рай. И в отрыве от Голгофы, Воскресения, без которых нет восточной части Крестного пути, Рождество может привести к тому, что мы и видим сейчас на Западе: культу материального благополучия, когда начинают забываться сами христианские основы европейской культуры и цивилизации, пустуют католические и протестантские храмы, наблюдается невиданный доселе упадок веры. Истоки трагедии, которую переживает Запад, -- в разорванности мирового Крестного пути и связанной с ней воспетой еще Гете в "Фаусте" склонности Запада к продаже души в обмен на блага, предлагаемые материальной цивилизацией.

Возможно повод всему этому подал Людовик 9, посчитавший бесчестным вступать в Святой Град, не освободив его, что несомненно было проявлением гордыни, приведшей к утрате Западом духовного Иерусалима... Людовика остановили на пути к Иерусалиму мусульмане и византийцы, а немецких крестоносцев в их движении на православную Русь, т.е. к духовному Иерусалиму, Александр Невский.

Он, разгромив немецких крестоносцев на Чудском озере и шведов в Усть-Ижоре, отказавшись от предложения папы от унии, смиренно подчинился монголо-татарскому Востоку, начавшему наступление на Русь в то же время. (Это в конечном счете привело к соединению с татарским Востоком и слиянию русских и монголов в едином этносе, о котором столь проникновенно писал Л.Н. Гумилев.) Веротерпимые монголы не препятствовали развитию православия на Руси. Интересно, что в 1253 г. монголы отвергли предложения Людовика 9 о переходе в католичество и совместном походе для освобождения Святой Земли, переданные с посольством Гильома Рубрука.

Людовик Святой скончался в 1270 г. в лагере крестоносцев в Тунисе то ли дизентерией, то ли тифа. По одной из версий в ночь перед кончиной он прошептал: "Мы войдем в Иерусалим" (1. С. 231). С его телом обошлись варварским способом: оно было сварено, чтобы отделить мясо от костей и доставить последние как мощи во Францию, ибо все тело не выдержало бы долгого пути из Туниса, а бальзамирование не было известно недавним варварам. Святой же благоверный князь Александр Невский умер в 1261 г., возвращаясь из Орды и скорее всего будучи отравлен в ней. Перед смертью он принял монашеский постриг. Житие Александра Невского рассказывает, что по окончании святой службы над телом князя "подшли ко гробу Кирилл-митрополит и его иконом Севастьян и хотели разогнуть руку князя, чтобы вложить в нее прощальную грамоту. Князь же, как живой, сам протянул руку и принял грамоту из руки митрополита.

Страх и ужас напали на всех. И положили честное его тело в церкви Рождества Богородицы..." (5).

Современный Восток, в отличие от материалистического Запада, остается идеалистическим. Именно поэтому на Востоке терпит крах западная модель капитализма и увеличивается пропасть между духовным и материальным. В России наблюдается определенный религиозный подъем. И хотя увлечение церковностью на Востоке часто принимает характер моды, пока там существует выполняющая культуuroобразующую функцию православная церковь, Восток останется Востоком.

Тем не менее налицо трагедия разделенного мира, из-за разделенности все более утрачивающего духовную жизнеспособность.

2. Запад и восток внутри Востока и Запада

В границах христианского Востока еще с византийских времен можно выделить две тенденции. Одну, назовем ее константинопольской, следует связать с идеей мощной государственной власти, неизбежно ведущей к злоупотреблению этой властью, роскоши правящей верхушки и пренебрежению жизнью отдельного человека. Другую тенденцию, назовем ее иерусалимской, можно смело отождествить с отказом от мирских ценностей ради спасения человеческой души; с распятием плоти, Жертвой, Голгофой и Воскресением. Одними из выразителей последней тенденции были византийские исихасты и Григорий Палама. На русской почве константинопольское "течение" породило идею Москвы – третьего Рима и, например, Иосифа Волоцкого, а иерусалимское дало подвижников духа типа Сергия Радонежского, Нила Сорского, Александра Свирского и др.

Но во времена Александра Невского, когда закладывались архетипические основы современной картины мира, выразителем константинопольской тенденции стал Даниил Галицкий, а иерусалимской – Александр Невский. Если Александр Невский смиренно принял крест подчинения монголам и отстоял северные границы Руси от западных захватчиков, то блестящий, честолюбивый и гордый южнорусский князь Даниил Галицкий, не захотев быть под властью татар, подчинился венгерской короне, что не спасло его землю от монголо-татар, в то же время за короткий исторический период превратив пограничные с Западом южнорусские земли в нищий и жалкий придаток католического Запада. Архетипы Александра Невского и Даниила Галицкого до сих пор являются ключевыми для понимания разных личностных проявлений на православном славянском Востоке. Александр Невский – выразитель идеи востока на Востоке, а Даниил Галицкий – западного Востока.

Если обратиться к петербургскому периоду русской истории и культуры, станет ясным, что Ф.М. Достоевский с его любовью к картинам заходящего солнца и идеей схождения неба в русскую почву – представитель запада на Востоке, а Гоголь, всю жизнь стремившийся поднимать русскую землю к небу и Воскресению, варажает своим творчеством идею восхода и востока на Востоке.

Подобно тому, как внутри Востока есть свой восток и запад, внутри Запада существуют собственные запад и восток. Запад внутри Запада представлен все тем же Людовиком 9, не пожелавшим войти в Иерусалим в качестве паломника из-за мечты захватить Святой Град силой, и личностными модификациями святого французского короля в историческом времени-пространстве. Западный запад отличается от запада внутри Востока меньшим произволом по отношению к личности или социальным единицам. Это связано с выработанной на Западе со времен средневековья иерархической системой договорных отношений между сословиями и властью. Константинополь же очень многое взял от восточной деспотии. А восток внутри Запада?

Этот восток формировался тоже в 13 веке. Режин Перну пишет о Франциске Ассизском: "...он оставил в прошлом образ вооруженного рыцаря, принимающего крест

ради завоевания Иерусалима. Решения 11 века не подходили отныне для века 13, когда полностью преобразился идеал "воинства Христова"; и первый шаг в этом устремлении переосмыслить значение креста был сделан братом Франциском (2. С. 228 – 229). Святой Франциск Ассизский не побоялся отправиться в лагерь жестокого султана проповедовать ему христианство. Перну утверждает: "...своей удивительной мистической интуицией он определяет новый путь: отправляя своих братьев в Святую Землю, он более всего желал, чтобы они стали мучениками. Когда он узнал, что пятеро из них, повторившие его подвиг, были убиты толпой, то воскликнул: "Хвала Христу, теперь я знаю, что имею пятерых меньших братьев"" (2. С. 228).

Дело Франциска Ассизского, начатое в начале 13 века, продолжил в его конце святой Раймунд Луллий. Его главной идеей было обращение сарацин. Но святой Раймунд считал, что следует посылать к ним не солдат, а священников. Мистик и человек действия Раймунд Луллий оказал влияние на все виды духовной деятельности современного ему Запада. Этот святой уже в глубокой старости был забит камнями арабской толпой. Он не побоялся всю свою жизнь заниматься проповеднической деятельностью среди мусульман Востока. За свою долгую тяжкую жизнь Раймунд Луллий весьма преуспел в выполнении своего главного замысла – преобразовании крестовых походов в миссионерство.

Святой Раймунд и святой Франциск несомненно представляют нам восток Запада. Этот восток отличается от востока внутри Востока своей действенной направленностью. Ибо сила востока на Востоке, несмотря на военные победы Александра Невского над крестоносцами, не только и не столько в действии, сколько в смирении, созерцании и молитве.

Развиваясь во времени, архетипы западных святых 13 века претерпевают трансформацию. Ее результатом и примером может быть, например, Арамис из "Трех мушкетеров" Александра Дюма. В живущем в эпоху барокко Арамисе сочетается с точки зрения 13 века несоединимое: искреннее желание стать монахом и богословом и черты пылкого любовника, придающего большое значение своему туалету, любующегося малиновым переплетом молитвенника и пр. Самое интересное, что человек действия Арамис в конечном счете действительно уходит в монастырь, т. е. идет на принесение себя в Жертву. Что выглядит очень сомнительно.

Для Востока константинопольское направление – запад, а иерусалимское – восток. Для Запада Рим – это запад, а Иерусалим – восток. Т. е. западный восток – тоже Иерусалим, хотя и... не достигнутый.

Но Рим может быть еще и центром мира и в этом качестве прообразом Петербурга.

3. Петербург как центр мира

Петербург возводился Петром Великим как новая российская столица, призванная соединить в себе Восток и Запад, преодолеть разрыв между ними. Город, по мысли Д.С. Лихачева, расположен "не *между* Востоком и Западом, а Восток и Запад одновременно, т. е. весь мир" (6). Но трещина, разделяющая весь мир, к сожалению, прошла и через Петербург. Петру не удалось ее "зацементировать" до конца. Культурная столица России и мира, за короткий исторический период сумевшая "спрессовать" в себе многовековые общеевропейские культурные ценности, постоянно порождает новые идеи в искусстве и культуре, невозможные вне идеалистической питательной среды. Но Петербург до сих пор не имеет широких возможностей для реализации этих идей на "своем поле". Такой реализации мешает давящий дух государственно-бюрократической машины и мерзость грязно-материалистических проявлений "дикого капитализма" и связанной с ним массовой культуры, ориентированной на худшие проявления культуры западной. Но все же в Петербурге больше, чем где-либо в России, сильна тяга к единству Востока и Запада, мировому всеединству. А настоящий петербургский интеллигент всегда осознает себя гражданином мира. Через Петербург проходит весь мировой Крестный путь,

начинающийся Рождеством и кончающийся Воскресением. Северная столица России имеет множество мучеников и новомучеников, пострадавших за веру и участвовавших своей смертью в сораспятии. Но роскошные царские дворцы и особняки "новых русских" говорят также и о стремлении Петербурга к "земному раю" исключительно материального благополучия.

Кроме того, Петербург – это четвертый, сотворенный Петром Великим, Рим. Именно в новой российской столице царь провозгласил себя императором. Рим же – не только центр современной европейской цивилизации, но и всего христианского мира, потому что он был таковым до разделения церквей и до сих пор сохраняет множество христианских святынь и реликвий, принадлежащих как Востоку, так и Западу, а точнее единой Церкви. Петербург – модификация Рима как центра мира. Это город общехристианской, общечеловеческой культуры и цивилизации. Поэтому русскому человеку петербургской культуры и петербургского периода истории так дороги камни Европы, о которых писал Достоевский в "Подростке".

Архетипы же петербургской личности восходят, с одной стороны, к покровителю нашего города Александру Невскому, защитившему когда-то будущие земли Петербурга от западных захватчиков, а с другой, к символу средневекового Запада Людовику 9.

Понятно, что, в зависимости от доминирования на том или ином участке петербургского пространства определенного архитектурного стиля, определяемого в какой-то степени и рельефом места, видоизменяется психология людей, связанных с этим местом. Если, например, на конкретной местности доминирует барокко, то оно и диктует личностные архетипы лучших из населяющих данную территорию людей. Эти архетипы будут определяться уже не личностью Людовика 9, а его преемников эпохи барокко – Людовика 13 и Людовика 14.

Но все же в качестве западного города Петербург неполноценен, так как он часть России. Мало того, Петербург задумывался как ее столица.

4. Петербург как восточный город: два пути

Одним из достижений современной российской исторической мысли является доказательство неоспоримого факта: когда Петр пришел на землю, где он основал новую столицу, здешняя местность отнюдь не представляла собой ничейное безлюдное болото. На территории нынешнего Петербурга существовала развитая русско-финно-угорская цивилизация с православным культурным уклоном. Здесь, несмотря на близость Запада, был Восток. Стиранием с лица земли шведской крепости Ниеншанц Петр подчеркнул права Востока на эти места

Основывая город, великий царь не случайно повелел перевезти в Петербург мощи святого благоверного князя Александра Невского. Наши северные земли влекли Петра еще и потому, что с ними было связано установление принципов духовного разделения мира, произошедшее во времена святого князя Александра, когда вскоре после побед над немецкими рыцарями и шведами в новгородских землях Александр Невский, выбрав союз с восточным народом – монголами и отказавшись от предложения Запада об унии, взял восточную часть мирового Креста и Крестного пути на себя. В то же время гордый Даниил Галицкий пошел на союз с католическим Западом, чтобы противостоять монголам. Как уже указывалось, это уже через небольшое время привело к полной утрате самобытности и самостоятельности подвластных когда-то ему земель, подтвердив правильность выбора Александром Невским креста униженного подчинения монголам. Такой выбор помог сохранить на Руси православную, восточную, христианскую церковь и культуру.

Но перенеся в Петербург мощи Александра Невского и тем самым продемонстрировав верность нового русского царя восточному пути и Крестной ноше, принятой Александром Невским, Петр Великий приказал заменить икону на раке с мощами, изображающую

принявшего перед смертью монашество Александра Невского в монашеском одеянии, на икону, где святой благоверный князь был запечатлен в княжеских одеждах (7). Тем самым Петр показал свою верность не только пути на иерусалимскую Голгофу, т. е. к небесному раю, но и мирским славе и величию, раю земному. Идея последнего отождествляется не с Иерусалимом, а с Константинополем – имперской столицей Византии – такой же, какой после императора Петра стала северная столица для России. Но Константинополь, как известно, был захвачен турками и превратился в Стамбул. Иноверцы вошли в константинопольский храм Софии-Премудрости еще до того, как туда ворвались их полчища. Скорее эти полчища смогли войти в храм именно потому, что он был уже сдан им в душах византийцев. Соединение идеи империи с Христом чревато именно таким финалом.

Со времен Петра два восточных пути – к Иерусалиму и Константинополю, раю небесному и раю земному – определяют судьбу города. Можно смело утверждать, что Даниил Галицкий шел константинопольским путем. Поэтому его архетип как представителя запада внутри Востока тоже является архетипом личности петербуржца. Александр же Невский в системе двух путей восточного города Петербурга представляет восток.

Творчество петербургского писателя Ф.М. Достоевского говорит о западном пути на Востоке, а другого петербургского художника слова Н.В. Гоголя выражает идею востока на Востоке, о чем уже шла речь.

Если ленинградскую блокаду можно связать с Голгофой в Иерусалиме, то происходящее сейчас успешное наступление доллара на души петербуржцев – отнюдь не проявление тлетворного влияния Запада на Россию, а следствие крушения сталинской имперской, константинопольской, идеи. Это торжество западных ценностей можно сравнить с захватом турками Константинополя. Коммунистическо-имперская идеология долго вытравливала национальные и общечеловеческие христианские ценности из нашей жизни. И в момент, когда эта работа была близка к завершению, вошли турки-американцы, точнее смогли войти.

Но в городе живет и другой путь – к Иерусалиму. Им интересуется меньшинство, хотя движению по этому пути сопутствуют самые настоящие чудеса: мироточения икон и мощей, монашеские подвиги во вновь создаваемых или восстанавливаемых монастырях. Путь Петербурга к Воскресению сопровождается возрождением и созданием духовных культурных центров, подобных Фонтанному дому Анны Ахматовой, появлением все новых, пусть пока не всем известных, очагов свободной мысли и творчества.

Видимо не случайно незадолго перед 300-летним юбилеем города в Пасхальную ночь в Казанский собор был доставлен Благодатный Огонь из Иерусалима, зажегшийся в Великую Субботу на Гробе Господнем. Чтобы перевезти его в Россию, понадобилось несколько часов, что, как и возможность увидеть возгорание Огня по ТВ во время трансляции, представилось бы великим чудом игумену Даниилу в начале 12 века. Новый, рождающийся на наших глазах, христианский мистицизм использует возможности и достижения современной научной и технической мысли. На это указывает и проведенное в эпоху НТР исследование туринской Плащаницы, подтверждающее ее подлинность. А Плащаница, в которую было завернуто Тело распятого Христа, -- реликвия, связанная с завершением Его Крестного пути от Рождества к Воскресению в Иерусалиме, как и Константинополь, прообразе земных городов после Христа. Петербург среди них занимает не последнее место.

5. Петербург как центр мира на восточнохристианской основе

Но очевидно, что пути Петербурга к Иерусалиму будет мешать трещина, проходящая между Востоком и Западом как через Петербург, так и весь мир. Эту трещину в рамках культуры на прежней архетипической основе не убрать. Она будет лишь расширяться,

ведя наш мир к деградации и гибели. Значит на пороге новое мировое переустройство, изменение его основ, заложенных в 13 веке. И Петербург может стать центром новой цивилизации.

Общеизвестно, что классический Петербург возводился сразу и по единому плану на неохватных просторах акватории Большой Невы, в то время как города Западной Европы застраивались постепенно на протяжении многих и многих столетий. Отсюда узость пространства этих городов. Петербургское пространство можно охарактеризовать как выражающее простор русской души. Католические по форме петербургские храмы, например Исаакиевский и Казанский соборы, на русском просторе-пространстве Петербурга могут означать, что в нашем городе Запад пришел на Восток. И... восточное, русское, пространство вошло в католические храмы. Поэтому в них идут православные службы.

Когда в католических храмах служат не мессу, а православную литургию, не разрушив и не перестроив такие храмы, это значит, что Восток вошел на Запад без боя, мирно. Петербург таит в себе возможности без насилия захватить Запад так же, как на короткий исторический период крестовых походов Запад силой захватил Восток. Северная Венеция скрывает за западными фасадами своих храмов духовную мощь, необходимую для объединения церквей на православной, восточной, основе мирным путем. Восток и не может действовать иначе, как исключительно духовными средствами смирения, ибо Жертва на Голгофе и Воскресение немислимы без добровольной отдачи Христом себя в руки убийц. Главное оружие Востока – сораспятие, духовный пример, духовная сила.

То русское пространство, которое проникло в католические формы петербургских храмов, -- вселенское, ибо истинный простор только и может быть вселенским. Петербург выражает собой идею всеединства. Он – центр мира, подобный Риму, и в римские формы Петербурга вошло православие. Петербург – православный Рим.

Русская литература 19 века – пример воплощения идеи всеединства. Не случайно эта литература столь популярна на Западе.

Северная Венеция существует как восточнохристианский город и в этом качестве обретает себя как центр мира. Но Петербурга – полноценного западного города -- нет и не может быть, пока северная столица является частью России. Хотя небольшой западный Петербург конечно есть. Он представлен петербургскими католическими и протестантскими храмами и их прихожанами. Но католический Петербург никогда не играл сколько-нибудь значительной роли в петербургской истории и культуре. Внутри этого, западного, города видимо есть разделение на восток и запад, хотя проблема такого разделения слишком ничтожна, чтобы заострять на ней внимание.

Но все же... Может ли быть архетипом петербуржца такой представитель востока на Западе, как Арамис? Может. Но только по форме, внешним чертам. Их будет заполнять восточное содержание подобно тому, как в католические формы петербургских храмов заглядывает русский простор. Так же западные короли Людовик 9, Людовик 13, Людовик 14 суть архетипы петербуржца – гражданина восточнохристианского города – только по своей форме, в которые входит русское наполнение...

В период крестовых походов и захвата Иерусалима крестоносцами Рим короткое время был центром мира как ставшего целиком католическим, западным. Так же Петербург – православный Рим – станет центром нового мира, обретшего цельность в православной, восточной вере.

Когда Петербург полностью обретет себя в качестве православного Рима, исчезнет трещина между Востоком и Западом. Своим "обратным" светом Восток осветит Запад, Воскресение Рождество, конец начало. И люди Запада, окостеневшие в материальном благополучии, перестанут забывать о том, что земной рай есть только начало Крестного пути, впереди же – Голгофа и Воскресение.

Но в конечном итоге восточный путь, который Петербург готов предложить миру, -- путь всеобщей Голгофы. Она должна будет распространиться на весь мировой Крестный путь, в том числе на ту его часть, которая связана с Рождеством. Апокалиптический конец станет началом – началом "нового неба и новой земли", за которые была принесена Искупительная Жертва. Восточный путь – это путь следующего за Распятием Воскресения не только Христа, но и всего человечества. Петербург в воскресшем человечестве станет новым Иерусалимом. К нему, в небо, устремлены восточные, луковичные, купола петербургского храма Воскресения Спас на Крови. В новом человечестве Петербург обретет себя как центр мира в качестве нового Иерусалима. При этом город полностью возьмет на себя и ту роль, которую играл старый Иерусалим в судьбах прежней цивилизации. Петербург – православный Рим – соединится с Иерусалимом, Альфа с Омегой, начало с концом. Схожее тяготение Рима к Иерусалиму наблюдалось в период крестовых походов, но тогда скорее Иерусалим должен был стать Римом, а не Рим Иерусалимом. Таким образом идея нового Иерусалима подвергалась ревизии, а неудача крестоносного движения была предreshена...

Северной Венеции в судьбах мира, без сомнения, отведена величайшая роль. Она уясняется из архитектурного облика Петербурга, философии, искусства и литературы, порожденных городом, т. е. петербургской культуры, причем в совершенных ее проявлениях.

Не исключено, что образ описанного нами Петербурга питал философию Владимира Соловьева и его представления о мировом всеединстве.

Литература

1. Ле Гофф Жак. Людовик 9 Святой. М., 2001.
2. Перну Р. Крестоносцы. Санкт-Петербург, 2001.
3. Ты еси Бог творяй чудеса: О схождении Благодатного огня. Издание Свято-Введенской Оптиной пустыни. Б. г. С. 7.
4. Хождение игумена Даниила // Памятники Древней Руси. 12 век. М., 1978.
5. Житие Александра Невского: Хрестоматия по древнерусской литературе. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 1994. С. 86 – 87.
6. Белый Андрей. Петербург. Л., 1981. (Серия "Литературные памятники".) С. 6.
7. Рункевич С.Г. Александро-Невская лавра: 1713 – 1913. Санкт-Петербург, 1997. С. 219; Петербургская повесть. Главы жизни ректора А.Д. Боборыкина: Воспоминания. Размышления / Автор-составитель А.В. Крейцер; Под общ. ред. Г.А. Бордовского и В.А. Козырева. Санкт-Петербург, 2002. С. 233.